

УДК 177:17.03

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ТЕХНОГЕНЕЗА *

Часть I

Канд. филос. наук, доц. МУШИНСКИЙ Н. И.

Белорусский национальный технический университет

В XX в. человечество непосредственно столкнулось с техногенными проблемами в форме растущего загрязнения окружающей природной среды отходами промышленного производства, а также общего роста конфронтации, вызванного нравственной неготовностью к справедливому взаимовыгодному сотрудничеству в условиях взрывного спонтан-

ного развития средств коммуникации и истощения полезных природных ресурсов. Пройдя через эпоху колониального раздела сфер влияния с последующими мировыми войнами, ракетно-ядерного противостояния «двух систем» в период «холодной войны», в начале третьего тысячелетия техногенный социум встретился с трудностями глобализации, глобальным по-

теплением климата, практикой международного терроризма. Можно предположить, что по мере преодоления этих опасностей, которые носят все более угрожающий характер, будут неизменно возникать новые трудности. Причина этого состоит в том, что принятые меры носят сиюминутный поверхностный характер, не затрагивают глубинные аспекты «бытия человека в мире», не способствуют выработке адекватных критериев справедливости, как основы совместного участия в решении техногенных проблем современности. Как указывает Э. Фромм, в настоящее время «технологическое развитие превращается в основу этики» [1, с. 63], более справедливым считается то, что объективно способствует развитию науки и техники независимо от глобальных экологических последствий; «промышленный прогресс, в процессе которого произошла замена энергии... человека сначала механической, а затем ядерной энергией и замена человеческого разу-

* Работа выполнена в рамках грантового проекта, поддержанного РГНФ-БРФФН (Г07Р-029).

ма электронной машиной, побудил нас думать... что техника может сделать нас всемогущими, а наука – всезнающими» [2, с. 330]. При этом развитые страны неизбежно вступают в борьбу за природные ресурсы; каждая из сторон трактует справедливость в свою пользу, опираясь с позиции силы на развитие военных технологий, в свою очередь требующих дополнительных материальных ресурсов, что ведет к новым виткам конфронтации. Искаженные трактовки справедливости имеют навязчивый невротический статус; К. Хорни подчеркивает, что в технократическом обществе действует «деспотическая справедливость, чьей главной функцией является подавление всех внутренних сомнений» [3, с. 12]. Фатальный круговорот набирает скорость, за кажущейся разумностью и рациональностью техногенного социума проглядывают слепые стихийные силы, выстраивающиеся в стройную систему иррациональной деструктивности. Анализируя итоги мировых войн, повлекших огромные жертвы, Ж. Лакан констатирует: «Разрушения эти, которые кажутся нам нелепой случайностью, рецидивом варварства, необходимо связаны, на самом деле, с передовой позицией нашего дискурса» [4, с. 305]. Он отмечает, что «бряцанье оружием,

которое ставит под угрозу саму планету как место обитания человечества, раздается вокруг нас каждый день» [4, с. 136–137]. Технический прогресс движется по собственным законам, часто недоступным человеческому пониманию; при этом наличие самого человека как живого существа, активной творческой личности, постепенно становится излишним. Э. Фромм подчеркивает: «Мы перестаем быть хозяевами техники и, напротив, становимся ее рабами... великие державы (а также... менее крупные государства) продолжают разрабатывать ядерное оружие... и, в сущности, ничего не делается для преодоления угрозы экологической катастрофы. Иными словами, ничего не делается для того, чтобы сохранить человеческий род» [2, с. 330]. Перед философами-психоаналитиками встает фундаментальная задача проникнуть в суть бессознательных саморазрушительных тенденций, управляющих техногенной цивилизацией, выработать новые универсальные критерии справедливости, которые могли бы объединить человечество и увеличить его шансы на выживание. К. Г. Юнг по этому поводу четко формулирует: «Наш век обусловил демонизацию человека и его мира. Появление диктаторов и все несчастья, которые они принесли, происходят от близорукости и всезнайства, отнявших у человека все, что находится по ту сторону сознания, фактически превративших его в жертву бессознательного. Задача же человека, напротив, заключается в том, чтобы проникнуть в бессознательное и сделать его достоянием сознания» [5, с. 136]. К сожалению, бессознательное по самой своей природе ускользает от какого бы то ни было научно-философского анализа, погрузиться в его глубины (как в индивидуальном, так и в общесоциологическом смысле) можно только опираясь на косвенные свидетельства: сны и сновидения, воспоминания раннего детства, мифы, легенды, предания, артефакты массовой культуры и государственной идеологии. Пытаясь через анализ сновидений постичь специфику бессознательного, Фрейд замечает: «Одна из мыслей, внушенных спящему... гласит следующее: не нужно ничего упускать, нужно брать все, что есть, даже если совершаешь при этом небольшую несправедливость» [6, с. 215]. Аналогичные эгоистические импульсы в технократическом обществе зачастую служат бессознательным мо-

тивом деструктивной деятельности государств и правительств. В подобном контексте особое значение приобретает эτικο-философское рассмотрение проблемы справедливости, анализ ее становления в контексте техногенной детерминированности социокультурного развития.

Приступая к исследованию структур бессознательного, необходимо эксплицировать содержание основополагающих терминов. Обычно обращение к данной тематике связывают с именем З. Фрейда, первоначально разработавшего психоаналитический метод как медицинское средство профилактики и лечения неврозов, однако вскоре поднявшего психоанализ на уровень фундаментальной философско-эти-

ческой концепции. В работе «Я» и «Оно» Фрейд замечает: «Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа» [7, с. 352]. В структуре человеческой духовности условно выделяются три уровня: бессознательное «Оно» (Id), рационализированное сознание – «Я» (Ego), и «Сверх-Я» (Super-Ego) – совокупность социальных запретов, проникающих в психику индивида и табуирующих свободное выражение бессознательного. Несколько утрируя, Фрейд говорит о том, что «мы создали себе представление о связной организации психических процессов в личности и называем эту организацию “Я” личности. К этому “Я” прикреплено сознание» [7, с. 355]. Однако подобная трактовка не является чем-то новым: образ человеческого разума, управляющего чувствами, эмоциями, страстями и животными аффектами, приходит еще из эпохи античности. Заслуга Фрейда состоит в том, что он сделал акцент на понятии «бессознательного», вернул человеку его биологическую природу и попытался проанализировать сущность ее конфликта с социокультурными факторами личности. «Теперь индивид для нас – психическое “Оно”... бессознательное, на котором поверхностно покоится “Я”...» [7, с. 361]. Будучи биологическим существом со всем набором первичных импульсов (питание, размножение, самосохранение), человек в дополнение к этому формирует свое сознание, осмысливает особое положение личностного «Я» к остальному миру («не-Я»), к другим аналогичным субъектам («Ты», «Мы», «Они»). Приспосабливаясь к воздействию окружающей

природной среды, он развивает науку и промышленное производство; при этом неизбежно вынужден устанавливать сложную градацию общественных отношений, регулируемых уже не первичным социальным инстинктом (как, к примеру, у стадных животных), а более гибкой системой нравственных нормативных требований (в том числе – требованием справедливости). Индивид уже не может свободно реализовывать свои биологические импульсы, вынужден себя сдерживать и ограничивать; общество, защищая его с помощью промышленных технологий от враждебной внешней природной среды, подчиняет и обуздывает его собственную природу. «Власть может быть и внутренней, выступая под именем долга, совести или “суперэго”... У нее множество масок: здравый смысл, наука, психическое здоровье, нормальность, общественное мнение» [8, с. 144], общепринятое понятие справедливости.

Проблема состоит в том, что первичная биотическая энергия никуда не исчезает. Если не направить ее в позитивное русло (не сублимировать), то она приведет к антисоциальному девиантному поведению либо станет причиной невроза. Однако вопрос о том, что является «правильным», постоянно уточняется; научно-технический прогресс приводит к быстрому модифицированию социальной структуры, стереотипные моральные требования не всегда успевают за этими изменениями: «С этой точки зрения этические нормы... служат увековечению данного общества, включая его несправедливости» [1, с. 157]. Индивид вынужден постоянно переосмысливать свое место в мире, конкретизировать понятие справедливости, предлагая свою точку зрения в качестве общезначимой. Неизбежно возникающий при этом временной разрыв служит дополнительной причиной душевного дискомфорта.

Вторая заслуга Фрейда состоит в обращении к детской сексуальности (ребенок до периода полового созревания традиционно считался асексуальным существом, «невинным ангелом», «цветком жизни»). По Фрейду, детская психика в процессе становления проходит оральную, анальную и генитальную фазу; фиксация на любой из них может впоследствии проявиться во взрослом возрасте, обуславливая соответствующий тип характера: общительный, накопительский и т. п. (Ж. Лакан добавляет

к ним «стадию зеркала», когда ребенок учится узнавать собственное отражение, начинает формировать рациональное «Эго»: «Посредством идентификации с образом... себе подобного... завершающий стадию зеркала момент... делает из Я аппарат, для которого всякое движение инстинкта несет опасность» [9, с. 12]). Первоначально объектами влечения становятся близкие люди, с которыми ребенок вступает в телесный контакт: общение с матерью в период кормления доставляет удовольствие, дает чувство заботы и защищенности; отец символизирует внешнюю силу, отвлекающую мать от ребенка (так называемый «комплекс Эдипа» [6, с. 267–269]). «Упрощенный случай принимает для ребенка мужского пола следующий вид: вследствие усиления сексуальных желаний в отношении матери и сознания, что отец для этих желаний является препятствием, возникает Эдипов комплекс. Идентификация с отцом принимает враждебную окраску» [7, с. 368]. В качестве примера Фрейд приводит фобию «маленький Ганс»: Ганс боится лошадей, поскольку лошадь может его укусить, так как Ганс хочет, чтобы она упала (умерла, исчезла); лошадь такая же большая и сильная, как его отец – типичный случай бессознательного перенесения [7, с. 319]. Причиной подобного преобразования скрытых желаний является нравственный запрет со стороны «Супер-Эго», который начинает действовать в процессе воспитания и первичного формирования личностных установок. «Это изменение “Я”... противопоставляет другому содержанию “Я” как “Идеал Я” или “Сверх-Я”... “Сверх-Я” сохранит характер отца, и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем быстрее (под влиянием авторитета, религиозного учения, обучения...) произошло его вытеснение, тем строже “Сверх-Я” будет позже царить над “Я” как совесть... как бессознательное чувство вины» [7, с. 370]. Таким образом, у взрослого индивида влечение к матери и агрессия к отцу уже отсутствуют: «Происходящее здесь превращение либидо... приводит к отходу от сексуальных целей – к десексуализации, т. е. к своего рода сублимации» [7, с. 366]. Энергия бессознательного в процессе сублимации переходит в другие санкционированные обществом формы: в работу, учебу, художественное творчество и т. п. Тем самым снимается конфликт сознания и бессознатель-

ного, субъект адаптируется в социальную систему. В случае задержки развития возможны невротические расстройства; задача врача-психоаналитика состоит в том, чтобы в ходе доверительной беседы на кушетке через анализ сновидений, инфантильных страхов, воспоминаний детства проникнуть в мир бессознательного, обнаружить патогенную этиологию и подсказать пациенту возможные методы сублимации (как дополнение иногда используется гипноз и медикаментозное лечение).

От психиатрических методов анализа индивида Фрейд переходит к этико-философскому истолкованию исторического развития всего человечества. Причину техногенных проблем современной цивилизации, ее несправедливости, патологической агрессии, направленной от человека к природе и к другому человеку, исследователь видит в элементах невроза, происходящих из первичного конфликта биологической и социальной сущности человека как вида *homo sapiens*. В рамках исторического процесса он выделяет три стадии, сопоставляя их с основными этапами развития личности ребенка. Первобытному обществу соответствует анимизм, мистическое одушевление окружающей природы в сочетании с попытками воздействовать на нее силой магии и шаманизма, с верой в тотем рода, с неосознанными запретами-табу; древним обществам (Восток, античность, средневековье) присуща религиозность в форме политеизма и монотеизма; современному техногенному социуму – развитие научного взгляда на окружающий мир. «Анимистическая фаза соответствует... нарцизму, религиозная фаза – ступени любви к объекту... а научная фаза составляет полную параллель тому состоянию зрелости индивида, когда он отказался от принципа наслаждения и ищет свой объект во внешнем мире, приспособляясь к реальности» [7, с. 282]. По мере того как согласно эволюционной теории естественного отбора Дарвина-Спенсера человек биологически развивается из обезьяны (дриопитека), в его формирующемся сознании возникает первичный конфликт (на фоне Эдипова комплекса), который сохраняется и периодически обостряется до настоящего времени.

С конца XIX в., когда Фрейд создавал свою концепцию, данные о самых ранних гоминидных формах, промежуточных между человеком

и обезьяной, постоянно уточняются; в настоящее время антропологи и палеонтологи рассматривают границу появления протоантропов (австралопитеков, вид *homo habilis*) между 5–2 млн лет назад, относя их к нижней плейстоценовой фауне; время появления архантропов (питекантроп и синантроп, вид *homo erectus*) – около 0,5 млн лет. С точки зрения социальной структуры, это все еще человеческое стадо, соединенное биологическим инстинктом и имеющее «гаремную» организацию: вождь – некоторое количество самок – молодняк, подрастающее поколение. В ходе полового отбора, борьбы за самку молодые соперники сначала изгоняются вождом, а затем пытаются занять место вождя в другом аналогичном сообществе. Таким образом генофонд постоянно самообновляется, причем в размножении участвуют только взрослые крупные особи. Всем управляет инстинкт, о каких-либо других формах регуляции еще не идет речи. В работе «Тотем и табу» Фрейд указывает: «В Дарвиновской первичной орде нет места для зачатков тотемизма. Здесь только жестокий ревнивый отец, прибегающий для себя всех самок и изгоняющий подрастающих сыновей» [7, с. 331]. Аналогичные отношения характерны и для других биологических видов (стадо копытных, стая хищников), «предполагаемые Darwin'ом обстоятельства жизни первобытной орды легко можно наблюдать в табунах диких лошадей» [6, с. 332]. Однако по мере развития орудийной деятельности (мустьерская культура на стадии неандертальца, вид *homo sapiens neandertalensis*) «сыновья» получили преимущество перед «отцом», «культурный прогресс, умение владеть новым оружием дал им чувство превосходства» [7, с. 331]. Произошел скачок от человеческого стада к полигамной семье, родоплеменной общине, сопровождавшийся окончательным становлением физического облика современного человека (кроманьонец, вид *homo sapiens sapiens*).

Развивая орудийную деятельность, «сыновья» сумели преодолеть диктат «отца», однако они тотчас понесли заслуженную кару со стороны своей биологической природы: поскольку при полигамии молодое несформировавшееся поколение уже никто не изгоняет за пределы популяции и все они преждевременно принимают участие в близкородственных половых

отношениях, намечается тенденция вырождения. Считается, что первоначально это послужило сильнейшим мутагенным фактором, обусловившим скачок от биологического типа неандертальца к кроманьонцу; однако дальнейшее вырождение ставит новый вид на грань исчезновения. Не умея объяснить генетические механизмы подобных процессов, первобытный человек видит в них влияние потусторонних сил, мечь со стороны свергнутого праотца, пращура, который становится объектом почитания в качестве родового тотема. С ним пытаются договориться, добровольно выполняя те требования, которые первичный «отец» осуществлял с помощью физической силы, ограничивают себя, налагая «табу» на любые проявления инцестуальных отношений. В этом Фрейд видит зачатки нравственной регуляции, первичного «чувства справедливости», а также – религии, искусства, всех форм духовной активности современного общества: «Тотемистическая религия произошла из сознания вины сыновей как попытка... умиловить оскорблен-

ного отца поздним послушанием. Все последующие религии были попытками разрешить ту же проблему» [7, с. 334]. Еще позже, когда при переходе к земледелию умственный труд отделился от физического, были предприняты первые попытки теоретического осмысления понятия справедливости: «Примерно около четырех тысяч лет тому назад... человек сделал новый шаг в длительном процессе своего выделения из природы... Разум и совесть стали для него руководящими принципами; его целью было общество, связанное узами братской любви, справедливости» [10, с. 471]. Тем не менее бессознательная агрессивность постоянно прорывается на поверхность; вся история человечества, вплоть до настоящего времени, предстает как череда войн, преступлений, всеобщей конфронтации. Уже в рамках первобытного социума наметился основополагающий конфликт: «Культура с самого начала развивалась как человеческая природная активность на основании собственной противоприродной информации, наносящая ущерб необратимого характера биосфере и самому человеку» [11, с. 121], отсюда вытекает психоаналитическая тема «недовольства культурой».

Типичным подтверждением базисного конфликта может служить, по Фрейду, христианская конфессия, которая через десять заповедей и Нагорную проповедь призывает к добру и справедливости, однако вполне очевидно содержит рудименты первобытного невроза: «Согласно... закону Талиона, убийство можно искупить только ценой другой жизни; самопожертвование указывает на кровавую вину... Таким образом, в христианском учении человечество самым откровенным образом признается в преступном деянии доисторического времени, потому что самое полное искупление его оно нашло в жертвенной смерти сына... Он сам становится богом, наряду с отцом... Религия сына сменяет религию отца» [7, с. 343]. Исследуя множество аналогичных примеров в их историческом преломлении, Фрейд делает вывод, что «в эдиповом комплексе совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов» [7, с. 345]. Раскрывая психологические корни религиозных и моральных запретов [12], фрейдизм связывает их с базисным конфликтом амбивалентной биосоциальной сущности человека, обострившимся в условиях техногенеза. Именно поэтому призыв к справедливости не находит отклика в современном мире: человек не может вернуться в свое первоначальное животное состояние, техногенная культура и социальная жизнь являются необходимыми условиями его существования, позволяющими ему достичь современной численности и уровня благосостояния. Однако «культурность» находится в отношении имманентного конфликта с природой как вне, так и внутри человека; исторический субъект обуреваем противоречиями, которые время от времени достигают критического уровня, вызывают своего рода массовое умопомешательство, в очередной раз ведут к эскалации немотивированного насилия. И все же призывы к справедливости имеют смысл: они служат эффективным средством рационализации первичных импульсов, сублимируют энергию бессознательного, смягчают противоречия технократического социума.

ВЫВОД

Исследуя массовые движения в современном мире (войны, революции, последующую реакцию), Фрейд акцентирует внимание на психических процессах. Однако его теория может быть понята только в единстве с материалистическими учениями Дарвина, рассматривавшего борьбу за существование как движущую силу биологической эволюции, и представителей марксизма, для которых классовая борьба есть движущая сила исторического процесса [13]. Для Фрейда сознание (Ego) с его моральными ограничениями и призывами ко всеобщей рационально понятой распределительной справедливости исторически формируется вовсе не «на голом месте». Оно предстает как важнейший фактор естественного отбора, позволивший первобытному человеку освоить орудийную деятельность, выйти из животного состояния, безгранично расширить ареал обитания, достичь современной численности и материального благополучия. Не научившись по справедливости распределять трудовые затраты и полученный полезный продукт, ограничивать животные эгоистические инстинкты, опираясь на авторитет религии, морали, общественных институтов власти, человечество не смогло бы развивать промышленное производство и исчезло бы еще в глубокой древности. И все же успехи современного техногенеза и рационалистического мировоззрения не должны усыплять бдительность: человек остается биологическим существом, его разум – лишь поверхностное средство удовлетворения первичных жизненных потребностей. Бессознательное периодически прорывается на поверхность, служит источником конфликтов и социальных потрясений. При современном уровне развития военных технологий неосознанная страсть к разрушению становится особенно опасна, в отличие от прошлых эпох принимает глобальные характеристики. Этика психоанализа, инициируя инновационные концепции справедливости, повышает шансы человечества на выживание в условиях техногенного кризиса современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм, Э. Революция надежды / Э. Фромм. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 283 с.
2. Фромм, Э. Психоанализ и религия, Искусство любить; Иметь или Быть? / Э. Фромм. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 400 с.

3. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза / К. Хорни. – СПб.: Лань, 1997. – 240 с.

4. Лакан, Ж. Этика психоанализа (Семинары: Кн. VII (1959–60)) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис, Логос, 2006. – 416 с.

5. Юнг, К. Г. Матрица безумия / К. Г. Юнг, М. Фуко. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. – 384 с.

6. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 576 с.

7. Фрейд, З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1 / З. Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 397 с.

8. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.

9. Лакан, Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М.: Логос, 1997. – 184 с.

10. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 539 с.

УДК 658.7

11. Глосикова, О. Онтологический анализ коэволюционной взаимосвязи социокультурной реальности и природы / О. Глосикова. – Минск: УП «Технопринт», 2001. – 137 с.

12. Fuller, A. R. Psychology and religion: classical theorists and contemporary developments / A. R. Fuller. – Lanham, Md.; Plymouth, Uk.: Rowman & Littlefield Publishers, 2008. – 369 p.

13. Ginneken, J. van. Mass movements in Darwinist, Freudian and Marxist perspective: Trotter, Freud and Reich on war, revolution and reaction, 1900–1933 / J. van Ginneken. – Apeldoorn: Het Spinhuis, 2007. – 166 p.

Поступила 14.04.2008

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКУПОЧНОЙ ЛОГИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Асн. ПАВЛОВА О. Н.

Белорусский национальный технический университет

В последние годы в сфере товарного обращения произошли существенные преобразования. В хозяйственной практике стали использоваться новые методы и технологии доставки товаров, базирующиеся на концепции закупочной логистики. Интерес к проблемам развития логистики связан прежде всего с причинами экономического характера. В условиях роста объемов производства и расширения внутринациональных и микрохозяйственных связей произошло увеличение издержек сферы обращения, внимание предпринимателей сконцентрировалось на поиске новых форм оптимизации рыночной деятельности и сокращения затрат в данной сфере.

Под логистикой в широком смысле понимается наука об управлении материальными потоками и информацией от поставщика до конечного потребителя с целью минимизации издержек, призванная обеспечить максимально возможное удовлетворение нужд потребителя. В самом общем виде структура логистики включает в себя закупочную, или снабженческую, логистику, связанную с обеспечением производства исходными материалами, производственную логистику, которая направлена на обеспечение непрерывности процесса произ-

водства, а также сбытовую, или распределительную, логистику, которая может рассматриваться как управление физическими операциями по доставке и распределению товаров от поставщика к потребителю с учетом анализа рынка поставщиков и потребителей, координации спроса и предложения.

В настоящее время все больше заинтересованность в процессе эффективного и рационального управления закупками. Эффективное управление закупками может существенно повлиять на успех большинства современных предприятий. Закупочная логистика – важная сфера общественного производства, охватывающая значительную часть сферы обращения. Комплекс операций, составляющий процесс закупочной логистики, сложен и разносторонен, протекает в различных местах, в разное время, с различной степенью интенсивности. Этот процесс занимает важное место в общественном производстве, обеспечивая физическое перемещение материальных ресурсов от изготовителя до потребителя, а также внутри предприятия. Существуют несколько подходов к определению понятия «закупочная логистика» [1]. С одной стороны, широкая трактовка процесса управления закупочной логистикой